

— Ты посмотри на себя, жалкая уродина, — говорил он громким шепотом, и тяжелые слова, словно камни, падали на душу и мешали сосредоточиться. — У тебя прозрачные бездумные глаза, потому что ты дура, каких свет не видел. Ты похожа на свою мать, и тебя ждет такая же участь.

Упоминание о матери вывело Лену из равновесия, она вырвалась из рук парня и побежала вдоль по улице.

Только у порога собственного дома Лена остановилась. Девятиэтажка высилась каменной громадиной, и лишь тусклые фонари освещали детскую площадку перед домом. Если мать не пьяная и не спит — еще начнет приставать с вопросами: как да что? Но опасения не оправдались: мать лежала в спальне, свернувшись клубочком, и громко храпела; пепельница, полная окурков, три бутылки непонятного питья, которое за 40 рублей продала соседка. Хорошо, что "гости" матери ушли. Лена накрыла ее одеялом и прошла на кухню. В квартире было тепло, а от горячего чая, правда, без сахара, стало совсем хорошо. Сахар теперь они купят только с Ленкиной пенсии, которую платили за погибшего отца. Мать свою пенсию пропивала.

Вспоминая сегодняшний вечер, Лена снова заплакала: ей вдруг отчаянно не захотелось жить. А ведь она чуть было не влюбилась — такой парень: принц, ее мечта затаенная. "Принц" оказался грубым, наглым парнем.

Лена схватила зеркало и долго рассматривала себя. У нее и вправду светлые голубые глаза, русые волосы, заплетенные в две косички, правда, стянутые черной уродливой резинкой. Лена была маленького роста, худенькая. Она привыкла к отсутствию еды в доме: может, это и делало ее похожей на русалку — прозрачную, светящуюся. Дядька привозил из деревни картошку, морковь, лук. Она держала все это в тамбуре на замке, чтобы мать, не дай Бог, не пропила последние запасы. Картошка, хлеб и пустой чай — таков был привычный рацион девочки.

В обычные дни было полегче: Лена завтракала и обедала в школе. Утром с одноклассниками, в обед — на продленке. Зная ее тяжелое положение, с ней делились. Вот Майка Никитина выросла из платья и принесла ей. Лена чувствовала себя униженной, от жалости и брезгливых взглядов в школе было неуютно. Она замкнулась в себе и пыталась хотя бы в учебе быть наравне со всеми. Не получалось: тройка была едва ли не единственной оценкой в ее дневнике, редко перепадали четверки. Почему-то в школе успешными были только дети успешных родителей.

Вот такая жизнь: вечно пьяная мать дома, ее друзья и подруги-алкаши. В школе — серая мышь: тише воды, ниже травы, чтобы не заметили. Единственное, что давало радость, — это танцы. Сестра ей

подарила старенький магнитофон, вместе с ним и кассеты. Лена, закрываясь в комнате, включала магнитофон и преобралась. Она танцевала до упаду, до потери сил. Каждый раз девочка придумывала разные танцы и даже тратила часть своей пенсии за отца на кассеты.

Вся ее короткая жизнь дели-

чаянно захотелось потанцевать: была у нее на слуху испанская мелодия, которая нравилась своей неповторимой страстностью. Пространство комнаты раздвинулось, появился зрительный зал — Лена танцевала фламенко. Может быть, движения были неказистыми, неправильными, и профессионал нашел бы много ошибок, но

— Ты умеешь танцевать? — удивилась учительница.

— Да. Я сейчас покажу вам свой танец.

Лидии Александровне совсем не хотелось тратить время на какой-то танец, но она согласилась.

С первых движений этой худенькой девочки учительницу поразил ее явный талант. А она,

жалась. Лена в ту ночь совсем не спала, а вместе с ней и мама. Они долго пили на кухне чай, разговаривали, словно не виделись сто лет. Мама открылась с другой стороны. Она рассказывала, что раньше тоже ходила в танцевальный кружок, но бросила. "Отец твой был замечательный человек, любил жизнь, меня, тебя... Потеряв его, я потеряла все", — повторила мать, и обе они стряхнули слезы. Грусть и тоска были рядом с ними, прятались за окнами, светились с неба одинокими звездами, а Лена с мамой плакали и смеялись. Лену волновало и радовало предстоящее выступление, а мама думала: может, еще не все потеряно, может, можно что-то исправить, бросить пить, пойти на работу, ведь я неплохая швея... Дочку замуж выдам, буду растить внуков. Вот оно, счастье! Эта надежда согревала ее озябшее сердце.

... Звездный час, 25 февраля, в школе веселье, шум, дискотека. А сколько бывших выпускников тут собралось! Лена волновалась жутко. Она сидела в подсобке актового зала, сложив руки на коленях, думая о матери, находившейся в зале. Девочка боялась, что пройдет этот звездный час их общей мечты и мать снова запыет. У Лены и раньше побаливало сердце, но некому было обращать внимание на ее здоровье, а от этих мыслей о матери ей становилось совсем худо.

— Выступает Елена Ермолова со своим танцем! — прозвучал голос конференсье. Лена подскочила, выбежала на середину зала. Зазвучала музыка, отбивая ритм. Лена была похожа на огонь: неукротимый, всепоглощающий. Ноги мелькали среди пышной юбки быстро-быстро, волнами перекачивались воланы. Глаза сияли, улыбка была искренней, из глубины души.

Зал затаил дыхание, замер, как натянутая струна. А когда выступление закончилось, все разразилось аплодисментами. Совсем рядом Лена увидела плачущее лицо матери, где-то вдалеке блестели глаза ее ... принца: он послал ей воздушный поцелуй и крикнул "Браво!"

Ее два раза вызывали на сцену, а сердце колотилось все быстрее и быстрее. Оно несло куда-то, набирая обороты, и было очень больно.

... Лену нашла Лидия Александровна. Девочка сидела, неловко облокотившись о стену, будто спала. Сердце ее уже не билось.

Лену похоронили. Все вернулось на круги своя: мать снова запила и за бутылку продала соседу со второго этажа кассеты и магнитофон, рассталась она и со швейной машинкой.

Десятый класс учится, как и прежде. Только все, кто был на вечере выпускников, не могут забыть последний танец Лены, лебединую песню ее нежной и непригретой души.

Ольга ЕСТЬКОВА.

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ

классный руководитель, за пять лет работы с классом об этом ничего и не знала.

— Ну как? — спросила Лена.

— Мы вставим твой номер в программу, — Лидия Александровна была благосклонна. — Но только в чем ты будешь танцевать?

Лена пожалала плечиками: танцевать ей было не в чем — из детского платья она выросла, а нового у нее просто не было.

— Я думаю, мы решим эту проблему, — сказала Лидия Александровна. — У меня есть знакомая, она работает костюмером в театре и сможет достать тебе платье.

Действительно, роскошное платье появилось у Лены. Оно было чуть-чуть великовато, и мать, у которой закончился очередной запой, взялась помогать, выудив с антресолей швейную машинку. Таким образом, платье было ушито. Мать не пила целую неделю; неожиданно в доме запахло свежими пирогами и борщом. Лена была почти счастлива,

будто вернулось то старое время, когда в доме звучали смех, шутки, был жив папа.

Девушка готовилась к выступлению, снова и снова повторяя, оттачивая движения. Сценический образ созрел в голове: страстная испанка с верером в красном платье, а по низу — фейерверк черных воланов, из-под которых кокетливо выглядывали лакированные туфли на высоком каблуке. Лена уставала, снова и снова вживаясь в роль своей горячей героини, а потом от репетиций болело все тело.

Долгожданный день прибли-

лась на два периода: до смерти отца и после. Лена была любимой дочкой, ни в чем не нуждалась и после школы бежала на танцы. Специально для выступлений были куплены босоножки и платье золотистого цвета. Ее считали талантливой девочкой. Но тут не стало отца, и все пошло совсем-совсем по-другому: мать с горя запила, пропила все, денег не хватало даже на хлеб, а о танцах не было и речи.

Но дома, включая свой старенький магнитофон, она становилась королевой воображаемых балов. Сейчас ей тоже от-

в них было столько жизни, столько чувства. Было ясно, что Лена — алмаз, который нужно огранить, чтобы он стал бриллиантом и засверкал.

Утром девушка проснулась с твердым решением: она попросится танцевать на вечере встречи выпускников. Ей никому не хотелось ничего доказывать, просто появилось желание выползти из своей скорлупы и заявить о себе, доказать, что она не серая мышь. Танец был наготове — ее любимое фламенко. Надо было поговорить с классным руководителем Лидией Александровной.